

Н. А. ЕРОФЕЕВ

АНГЛО-ШОТЛАНДСКАЯ УНИЯ 1707 ГОДА

В 1707 г. Англия и Шотландия объединились в рамках целостного политического организма: на карте Европы появилось новое государство, принявшее наименование Великобритании. Это событие сыграло серьезную роль в жизни обоих народов. Уния устраняла опасность столкновения между Англией и Шотландией, способствовала значительному усилению военного потенциала объединенного государства, что позволило ему вести более активную внешнюю и колониальную политику, чем прежде. Уничтожив последние таможенные границы на Британских островах, Уния открыла путь ускоренному экономическому развитию всех частей страны. Именно это обстоятельство в конечном счете и создало в середине XVIII в. предпосылки для тех глубоких сдвигов в производительных силах, которые вылились в промышленную революцию. Уния резко изменила также исторические судьбы Шотландии, покончив с ее политической самостоятельностью.

Несмотря на важную роль, которую сыграла в истории Великобритании Уния, она не нашла достаточного отражения в историографии. Немногие английские и шотландские труды, посвященные этому вопросу¹, представляют собой не исследования, а скорее популярные работы; в них основное внимание уделено описанию событий, сопровождавших принятие Унии, но отсутствует анализ классовых интересов и сил, борющихся из-за Унии. В настоящей статье сделана попытка в какой-то мере восполнить этот пробел.

Исторические судьбы английского и шотландского народов сложились по-разному. Отношения между соседями далеко не всегда были дружественными. Английские короли неоднократно пытались присоединить Шотландию к своим владениям и национальные чувства шотландцев складывались и укреплялись в борьбе за независимость против английских завоевателей. Англия постоянно вмешивалась во внутренние дела Шотландии. Ее влияние, феодальные институты и английский язык неуклонно проникали в Шотландию.

В 1603 г. после смерти королевы Елизаветы английская прямая династическая линия Тюдоров, шедшая от Генриха VII, прекратилась. Наследником оказался шотландский король Яков VI, потомок боковой ветви Тюдоров, породнившейся с шотландским родом Стюартов. Английский парламент избрал Якова одновременно и английским королем (под именем Якова I).

Несмотря на общность короны, Шотландия сохранила полностью все свои учреждения — собственный парламент, правительство, судебную си-

¹ W. L. Mathieson. Scotland and the Union. A History of Scotland from 1695 to 1747. Glasgow, 1905; G. M. Trevelyan. England under Queen Anne, vol. 2. London, 1932 (Унии посвящены главы X—XIV); C. H. D. and. The Mighty Affair. How Scotland Lost Her Parliament. Edinburgh, 1972.

стему и автономное религиозное устройство — пресвитерианскую церковь, независимую от англиканской. В период революции англичане и шотландцы совместно воевали против короля: союз между ними был закреплен 25 сентября 1643 г. под названием «Торжественная лига и ковенант». В период правления Кромвеля центральная власть с помощью английских войск несколько умерила феодальную дворянскую вольницу в Шотландии. После реставрации Стюартов политические отношения между обеими странами вернулись к прежней системе. В 1689 г. шотландский парламент вслед за английским утвердил общим королем Вильгельма III вместо смещенного Якова II Стюарта.

К началу XVIII в. Шотландия в экономическом развитии сильно отставала от Англии: население не превышало 1 млн. человек, в то время как в Англии проживало 5 млн., а национальный доход составлял 160 тыс. ф. ст. — в 30 раз меньше английского². Раздробленность страны на феодальные уделы, господство клановой системы тормозили развитие страны. Главы кланов присвоили себе всю землю и превратили свободных крестьян в своих вассалов. Феодальную ренту они взимали натурой или в виде повинностей, что отрицательно влияло на рост товарно-денежных отношений. Сельское хозяйство — главная отрасль шотландской экономики — было отсталым и мало продуктивным. Скудные урожаи нередко перемежались недородами.

Экономическая отсталость Шотландии проявлялась и в характере ее торговли с англичанами: она по существу была аграрным придатком Англии и рынком сбыта ее товаров. Англия вывозила из Шотландии большое количество скота (ежегодно через границу перегонялось от 15 до 20 тыс. голов), шкуры животных, шерсть, рыбу, а также некоторое количество каменного угля, свинца и соли³.

В конце XVII в. проблема отношений с Шотландией приобрела для Англии особую остроту в связи с ее внешнеполитическим положением. С 1689 г. она в коалиции с рядом европейских держав вела тяжелую войну с Францией. Рисвикский мир 1697 г. явился всего лишь перемирием, и с 1701 г. война возобновилась. Английская армия под командованием герцога Мальборо сражалась в Европе. Правительство Англии было заинтересовано в использовании шотландских войск. Традиционные связи между Шотландией и Францией также беспокоили английских политиков, которые опасались французского военного вторжения на свою территорию через Шотландию. Исходя из этих соображений, английские правящие круги добивались превращения династического союза в прочную Унию. Вильгельм III в 1701 г. на смертном одре направил парламенту рекомендацию сделать все возможное для полного слияния обеих стран. «Ничто, — писал он, — не может в большей мере способствовать в настоящее время и в будущем миру, безопасности и счастью Англии и Шотландии, чем прочная и полная Уния между ними»⁴.

После смерти Вильгельма III, женатого на дочери изгнанного короля Якова II, большую остроту вновь приобрел вопрос о престолонаследии. Англо-шотландский престол заняла другая дочь Якова — Анна. Однако у нее не было прямых наследников, и, чтобы прочнее закрыть путь к престолу скомпрометировавшей себя династии Стюартов, английский парламент в 1701 г. принял Закон о престолонаследии, который объявил при жизни Анны ее наследниками побочную линию династии — от племянницы Якова I принцессы Софьи, вышедшей замуж за князя Ганноверского. Для сохранения династической Унии шотландский парламент должен был принять аналогичный акт.

Однако события приняли совсем иной оборот. Шотландцы отказались последовать за Англией. Шотландский парламент в 1703 г. принял три

² I. J. Grant. Economic History of Scotland. London, 1934, p. 196.

³ J. R. Glover. Story of Scotland. London, 1960, p. 188.

⁴ Ibidem.

закона, которые в резкой форме декларировали отказ Шотландии следовать на поводу у англичан. Закон о мире и войне утверждал самостоятельность Шотландии в области внешней политики: любые внешнеполитические акты, чтобы вступить в силу, должны были отныне получать одобрение шотландского парламента. Другой закон провозглашал право Шотландии беспрепятственно и беспошлинно ввозить из любой страны нужные ей товары — это означало, что Шотландия намерена и далее свободно торговать с Францией. Третий акт шотландского парламента — Закон о безопасности — устанавливал за Шотландией право после смерти Анны назначить ей любого преемника, который гарантирует суверенитет страны, полномочия парламента, свободу религии и торговли, неприкосновенность от английского вмешательства. Шотландия недвусмысленно объявляла о своем праве в любой момент расторгнуть династический союз. Хотя представитель английской короны в Шотландии не утвердил от имени королевы этот акт, шотландский парламента в 1703 г. вторично принял Закон о безопасности и отказался ассигновать деньги на содержание шотландской армии⁵. Королева оказалась перед трудной дилеммой: либо утвердить Закон о безопасности, либо распустить шотландские части, т. е. ослабить английскую армию. Ей пришлось выбрать первое: таким путем шотландцы подтвердили свой суверенитет и получили возможность в любой момент оказывать нажим на Англию.

Действия шотландского парламента диктовались ростом антианглийских настроений в стране. Для этого имелись и объективные и субъективные причины, в том числе некоторые действия англичан, ущемлявшие самолюбие шотландцев и их интересы.

Давнюю неприязнь к англичанам в Шотландии оживили события в горной Шотландии, получившие наименование «бойни в Гленко». Суть дела заключалась в следующем. После воцарения Вильгельма III английское правительство, опасаясь вторжения французских войск в Шотландию, где были сильны симпатии к династии Стюартов, летом 1691 г. отдало приказ о том, чтобы до наступления нового года все горные кланы принесли присягу Вильгельму. Горная Шотландия повиновалась и вовремя присягнула английскому королю, за исключением клана Макдональда из Гленко, который по случайному недоразумению опоздал с ее принятием на шесть дней. Из Лондона последовало распоряжение: в наказание и для острастки примерно наказать ослушников. Сотня солдат, набранных среди враждебных кланов, явилась в Гленко якобы на постой. Прожив одну неделю, солдаты по приказу командира напали внезапно на ничего не подозревавших хозяев и беспощадно вырезали почти весь клан: было убито 33 мужчины, две женщины и даже два ребенка⁶. Это чудовищное преступление, совершенное по указке Лондона, возмутило всю Шотландию. «Бойня в Гленко» стала символом английской жестокости и вероломства.

Английская политика, нарушая суверенитет страны, и позднее вызывала недовольство шотландцев. Так, в 1702 г. английское правительство объявило войну Франции в обход шотландского парламента⁷. Это ранило самолюбие шотландцев и напомнило им о неравноправном характере союза. Идея слияния с Англией встречала в Шотландии сопротивление: присоединение к богатой и сильной соседке походило на поглощение, новый вариант английского завоевания. Экономическое развитие Шотландии во второй половине XVII в. порождало дополнительные причины для роста антианглийских настроений. Капитализм делал быстрые успехи, особенно в южной, низменной части страны. Этому способствовала политика шотландского правительтва, которое решительно ограничивало

⁵ «A. Source Book of Scottish History», vol. 3. London, 1954, p. 474—477.

⁶ J. D. Mackie. A History of Scotland. London, 1964, p. 251.

⁷ C. H. D and. Op. cit., p. 49—51.

вывоз некоторых видов сырья, в том числе льна и шерсти, и одновременно всемерно поощряло производство льняных и шерстяных товаров. При помощи высоких пошлин оно ограничивало ввоз английских товаров, а отечественные предприятия освобождало от налогов и пошлин. Шотландия широко вербовала за границей опытных мастеров⁸. Такая политика приносила свои плоды. В Шотландии быстро росла собственная промышленность, главным образом по обработке сырья. В Глазго и его окрестностях сложился крупный центр льняного производства, в графстве Восточный Лотьян быстро развивалось шерстяное производство. В конце XVII в. около 50 крупных промышленных и торговых компаний получили от правительства монопольные права и торговые льготы⁹. В шотландском вывозе неуклонно возрастала доля готовых изделий: в последние годы XVII в. Шотландия ежегодно вывозила в среднем около 460 тыс. м шерстяных и 115 тыс. м льняных изделий¹⁰. Между предпринимателями обеих стран усиливалась конкуренция.

Ареной острой борьбы между Англией и Шотландией была и колониальная сфера. Шотландские торговцы активно участвовали в английских колониальных предприятиях и даже основали несколько собственных колоний в Северной Америке. Шотландские купцы оживленно торговали с американскими колониями, в особенности с южными, вывозя отсюда сахар. В конце XVII в. в Шотландии работали четыре довольно крупных по тогдашним масштабам предприятия по очистке тростникового сахара и производству рома¹¹. Шотландские коммерсанты занимались и работоторговлей. Ливерпуль, который почти монополизировал в эти годы работоторговлю, был недоволен вторжением шотландцев в его «заповедную» зону. Шотландцы проникали и в Индию, также нарушая здесь монополию английских торговцев. Последние неоднократно жаловались правительству и требовали защиты. В январе 1695 г. Комиссия по торговле и плантациям обсуждала петицию английских купцов: они жаловались, что их торговля с Виргинией и Мэрилендом «почти разорена» шотландцами, которые торгуют с этими колониями, «не уплачивая никаких пошлин»¹². Комиссия 13 февраля в циркуляре губернаторам колоний потребовала от них «строгого исполнения законов, принятых для обеспечения торговли плантаций», а от таможенных чиновников — «неуклонного исполнения своих обязанностей». Эти рекомендации были направлены в значительной степени против шотландских «интерлоперов» (нарушителей).

Особенно ярким эпизодом англо-шотландского колониального соперничества в те годы явился конфликт из-за создания шотландской колонии в Центральной Америке, который в немалой степени обострил англо-шотландские отношения. Испанские колонии в Америке дразнили воображение искателей богатства во всех странах. Испания извлекала из этих владений много золота и в Европе получил распространение миф об Эльдorado — стране золота, затерявшейся где-то в джунглях американского материка. Группа шотландских купцов решила основать здесь свою собственную колонию. Будучи людьми трезвого расчета, они видели Эльдorado не в золоте, а в торговле и рассчитывали превратить свою колонию в базу сбыта товаров в испанские владения, что обещало огромные барыши.

Для создания шотландской колонии был избран участок на Дарьенском перешейке — в том месте Центральной Америки, где Атлантический и Тихий океаны разделялись самым узким участком суши. Создание здесь торговой колонии, по замыслу ее организаторов, должно было дать

⁸ «A Source Book of Scottish History», p. 324—335.

⁹ T. C. S m o u t. Early Scottish Sugar Houses 1660—1720.— «Economic History Review», 2nd series, December 1961, vol. XIV, № 2, p. 240.

¹⁰ I. J. G r a n t. Op. cit., p. 173—174.

¹¹ T. C. S m o u t. Op. cit., p. 243.

¹² «Calendar of State Papers. Colonial America and West Indies 1693—1697». London, 1903, p. 639.

в руки Шотландии все выгоды торговли с Латинской Америкой и кратчайший путь из Европы в Азию. Акции компании были быстро распроданы в Шотландии, компания закупила несколько кораблей и направила добровольцев, пожелавших участвовать в освоении земли и в торговле на новых местах. 26 июля 1698 г. корабли с колонистами отчалили от пристани г. Лис возле Эдинбурга и 4 ноября того же года благополучно высадили более тысячи человек в бухте Дарьен. Колонию наименовали Новой Каледонией.

Однако предприятие потерпело полную неудачу. Индейское население не хотело покупать шотландских товаров, которые не были рассчитаны на местный спрос, да и денег на покупку у него не было. Испания с самого начала враждебно отнеслась к вторжению, считая все эти территории своим владением. Но еще до того, как здесь появилась испанская карательная экспедиция, население колонии стало быстро сокращаться в результате болезней: тропический климат и малярия застigli северян врасплох. Оставшиеся в живых, разочарованные неудачей, покинули негостеприимный берег. В июне 1699 г. сильно поредевшие ряды колонистов погрузились на корабли и отправились обратно на родину. В Шотландии ничего не знали о судьбе колонистов и в августе того же года отправили туда новую группу. Участники ее испытали те же невзгоды и неудачи и вскоре также покинули колонию. Испанский отряд, прибывший в Новую Каледонию, обнаружил здесь лишь небольшой гарнизон и без труда взял его в плен. Колония была ликвидирована.

Провалу создания колонии в значительной мере способствовало то обстоятельство, что английское правительство заняло в отношении шотландского предприятия отрицательную позицию. Совет по делам торговли и плантаций откровенно объяснил мотивы английской политики. На своем заседании 26 мая 1699 г. Совет признал бесспорными испанские права на территорию, где основались шотландцы и отказал им в поддержке, поскольку, как гласило решение Совета, эта колония «вовлекает его величество в такие конфликты с Испанией, которые могут оказаться роковыми для мира и согласия между королевствами»¹³. Англо-испанский договор 1690 г. обязывал обе стороны воздерживаться от взаимных территориальных захватов, и в момент, когда шла война с Францией, нарушение этого договора было опасным. Исходя из этих соображений, английское правительство не только отказалось поддержать шотландцев, но и чинило им всякие препятствия: губернаторы английских колоний в Америке — на континенте и в Вест-Индии — по указанию из Лондона наложили строгий запрет на сообщения с Новой Каледонией, не выпускали туда кораблей и пресекали снабжение колонии продовольствием¹⁴.

Дарьенская компания в 1701 г. обанкротилась, ее многочисленные акционеры потеряли свои деньги. Крах национальной компании был воспринят в Шотландии весьма болезненно. Широко распространилось убеждение, что главной причиной ее неудачи и банкротства была коварная и предательская политика Англии. Это еще более усилило накал антианглийских страстей.

Английский парламент подлил горючего, когда он в 1705 г. принял «Закон, имеющий целью обеспечить английское королевство от явных опасностей, которые могут произтечь из некоторых законов, недавно принятых шотландским парламентом». Этот акт объявлял шотландцев иностранцами, т. е. лишал их всех прав и привилегий в Англии, как юридических, так и торговых. Кроме того, он воспрещал после определенной даты ввоз из Шотландии скота, льняных изделий и угля — главных предметов шотландского экспорта. Эти меры, принятые в ответ на шотландские законы 1703 г., должны были сильно ударить по карману шотландцев.

¹³ «Calendar of State Papers. Colonial 1699». London, 1908, p. 250—251.

¹⁴ Ibid., p. 141, 186, 221, 227, 256, 280, 282, 365, 555.

Они имели прямой целью побудить их к уступчивости в вопросе об Унии: в законе был пункт о создании комиссии для переговоров «о более близкой и полной Унии между обоими королевствами»¹⁵. По-видимому, англичане хотели силой навязать Унию шотландцам. Подобные акты и крах Дарьенской компании создали серьезный кризис в отношениях между обеими странами. О сильных антианглийских настроениях в Шотландии в то время свидетельствует популярность поэмы, опубликованной в Эдинбурге в 1705 г. под названием «Порошок для свиноедов или шотландский нож для английского нарыва». Анонимный автор поэмы писал:

Эту дерзкую и наглую Англию
Образумить могут только тумак! ¹⁶.

В Англии, в свою очередь, были сильны антишотландские настроения. Нелестное мнение о шотландцах высказывалось откровенно. Английский коммерсант Джосия Тэйлор, совершивший путешествие из Лондона в Эдинбург — тогда оно считалось трудным и опасным, — в 1705 г. писал, что Шотландия — «самая варварская страна в мире»¹⁷.

О том, какого накала достигли в это время антианглийские настроения и чувства в Шотландии, свидетельствует печальная судьба английского судна «Вустер», зашедшего в конце 1705 г. в один из шотландских портов. В Шотландии давно уже возмущались самоуправством и бесчинствами англичан на море. В частности, много толковали по поводу действий английских властей в устье Темзы, которые незадолго до того задержали шотландский корабль «Аннандейл» за нарушение монополии Ост-Индской компании. В ответ на произвол англичан команда «Вустера» была посажена в тюрьму. Капитан корабля Грин был обвинен в пиратстве и в том, что он якобы потопил в заморских водах шотландский корабль, недавно пропавший без вести. Суд под давлением разъяренной толпы объявил Грина виновным: он и два члена команды были повешены. Вскоре оказалось, что обвинение против Грина не имело оснований.

Зимой 1704—1705 гг. антианглийские настроения в Шотландии достигли апогея. Вожди горных кланов открыто готовились к войне против Англии. В стране шли военные приготовления. Встревоженный этим английский парламент в срочном порядке обсудил вопрос о вооружении милиции северных графств, которым в случае конфликта с Шотландией угрожала опасность вторжения. Правительство приняло решение усилить фортификации северных городов — Ньюкасла, Карлайла и Гулля¹⁸.

Обстановка не сулила успеха новой попытке Унии между двумя странами. Подобные попытки в 1670 и в 1703 гг. окончились провалом: полномоченные обеих стран, созданные для обсуждения условий соглашения, каждый раз расходились, ничего не решив¹⁹.

Тем не менее переговоры о заключении Унии вновь возобновились летом 1705 г. По инициативе английского правительства в шотландском парламенте был поставлен вопрос о создании смешанной комиссии из представителей двух стран для обсуждения условий Унии. На что рассчитывало английское правительство, затеявая подобный шаг? Дело в том, что в шотландском парламенте, наряду с решительными сторонниками и столь же решительными противниками Унии, имелась значительная группа колеблющихся. По-видимому, оно надеялось ослабить оппозицию уступками, а кое-кого просто подкупить.

В качестве уступки правительство без возражений согласилось включить в текст резолюции условие, что будущая Уния не должна нарушить

¹⁵ «Source Book of Scottish History», p. 477—478.

¹⁶ Цит. по: G. M. T r e v e l y a n. Op. cit., p. 178.

¹⁷ J. T a y l o r. A Journal to Edinburgh in 1705. London, 1903, p. 95.

¹⁸ C. H. D a n d. Op. cit., p. 79.

¹⁹ «A Source Book of Scottish History», p. 467.

права и привилегии Шотландии, а также пункт о том, что переговоры не начнутся до тех пор, пока Англия не отменит Закона об иностранцах, сильно ударившего по интересам шотландских торговых кругов. Впрочем, чтобы это требование не выглядело как ультиматум, его сформулировали в виде особого обращения к королеве. Однако и после этого остался один серьезный камень преткновения: оппозиция требовала, чтобы состав комиссии был определен шотландским парламентом и в нее были включены в соответствующей пропорции как сторонники Унии, так и ее противники. Английское правительство возражало, опасаясь, что противники Унии постараются провалить или исказить проект соглашения.

Счастлирое стечение обстоятельств позволило правительству преодолеть возникшее препятствие. Вечером 1 сентября 1705 г. в парламенте истек срок голосования условий, поставленных оппозицией. Когда оно уже закончилось, многие депутаты, полагая, что главный вопрос решен и далее не предстоит ничего важного, стали расходиться по домам. В этот момент, в сильно поредевшем парламенте, внезапно с места поднялся главный лидер оппозиции, самый непримиримый, казалось, противник Унии герцог Гамильтон и предложил, чтобы королева сама определила состав шотландской комиссии, т. е. сказал именно то, чего так желало правительство. Неожиданная смена позиции Гамильтона вызвала панику в среде оппозиции. Правительство воспользовалось отсутствием ряда депутатов оппозиции, чтобы тут же протащить соответствующую резолюцию через парламент. Весь этот эпизод долго оставался загадкой и лишь позднее стало известно, что Гамильтон действовал в сговоре с правительством. Возможно, он надеялся, что за свою услугу будет назначен членом шотландской делегации. Но его надежды не оправдались. Под благовидным предлогом его оставили за бортом.

В апреле 1706 г. в Лондоне начались заседания англо-шотландской комиссии. В ней с обеих сторон принимало участие по 31 человеку. В составе шотландской делегации оказалось ничтожное количество противников Унии. Для облегчения переговоров английский парламент в срочном порядке отменил Закон об иностранцах. Кроме того, чтобы ускорить работу и по возможности сократить трения и споры, обе делегации заседали порознь и вся связь между ними ограничивалась перепиской. Даже личные контакты между обеими делегациями были прекращены. Один из участников позднее вспоминал: «Ни один шотландец или англичанин не встретились между собою даже для того, чтобы пообедать или выпить стаканчик вина»²⁰. Все эти меры привели к тому, что 28 мая проект договора был согласован и королева поздравила комиссию с успехом.

Правительству удалось успешно преодолеть первый этап на пути к Унии. Но впереди оставалась вторая и самая трудная часть задачи — провести договор через шотландский парламент. Сессия предстояла долгая и бурная. Для того, чтобы вблизи наблюдать за настроениями шотландцев, информировать обо всем Лондон, а в случае необходимости и «воздействовать» на события, в Эдинбург был направлен Даниэль Дефо, будущий знаменитый автор повести о Робинзоне Крузо; Дефо и до этого уже выполнял щекотливые поручения правительства. Спустя два года Дефо опубликовал подробный рассказ о своей миссии и об истории того, как протекала борьба за Унию²¹. Книга Дефо, рассказ умного человека и

²⁰ «Lockhart Papers. Containing Memoirs and Commentaries upon the Affairs of Scotland from 1702 to 1715». London, 1817; С. Н. Д а н д. *Op. cit.*, p. 115.

²¹ D. D e f o e. *The History of the Union of Great Britain*. Edinburgh, 1709. Книга Дефо в сущности состоит из пяти отдельных сочинений (не считая обширных посвящений и огромного приложения из двух частей): I. *A General History of Unions in Britain*; II. *Of Affairs in Both Kingdoms Introducing a Treaty of Union*; III. *Of the Last Treaty Properly Called the Union*; IV. *Of the Carrying on of the Treaty in Scotland*; V. *An Abstract of the Proceedings of the Treaty of Union within the Parliament of Scotland*. Поскольку в каждой из частей собственная нумерация страниц, далее цитируемая часть каждый раз обозначается римской цифрой.

непосредственного участника событий, является первоклассным источником, который позволяет бросить свет на некоторые малоизвестные аспекты происходивших событий, заглянуть за кулисы и яснее представить себе характер борьбы вокруг Унии, в частности те классовые силы, которые выступали против нее.

В Англии подавляющее большинство в парламенте и вне его решительно поддерживало Унию. Английская буржуазия, которая уже в это время оказывала значительное влияние на политику правительства, от присоединения Шотландии могла только выиграть, а конкуренция шотландских промышленников не представляла для нее серьезной опасности. Политические выгоды и преимущества Унии были слишком очевидны. Противниками ее выступали только немногие, главным образом из числа крайних тори и якобитов, а также фанатиков англиканской церкви, считавших шотландских пресвитериан «еретиками» и какой-либо компромисс с ними неприемлемым. Что касается широких народных масс Англии, то Уния никак не затрагивала их интересов.

Сложнее обстояло дело в Шотландии: здесь Уния имела во всех классах общества много противников. Дефо, анализируя состав этого лагеря, насчитывал в нем различные группы. Сюда он причислял в первую очередь якобитов — сторонников изгнанной линии династии Стюартов, поскольку Уния закрывала путь для возвращения Стюартов на шотландский престол. Другим опасным противником Дефо считал «епископальную партию», т. е. сторонников англиканской церкви и оппозицию внутри правящей пресвитерианской церкви: обе группы выступили против Унии, так как опасались, что она, признав независимость шотландской церкви, укрепит ее положение и лишит оппозицию надежд на будущие преобразования. Остальные противники Унии, по мнению Дефо, состояли из тех, кто поддался влиянию предрассудков, ложных страхов, а также различных интересов²².

В действительности именно интересы, в первую очередь классовые и групповые, играли решающую роль в борьбе вокруг Унии. Они и определили раскол по этому вопросу в шотландском обществе. Не было единства внутри класса шотландских крупных землевладельцев-феодалов. Многие из них выступали против Унии, опасаясь, что установление прямого правления Лондона усилит влияние центра и их привилегиям будет нанесен ущерб. Однако другие представители этого класса, более крупные и влиятельные, хотя и опасались власти Лондона, однако положительно относились к Унии, надеясь, что возможные невыгоды будут возмещены после их приближения ко двору и включения в состав английской аристократии²³. За Унию были и те лендлорды, которые приспособились к новым капиталистическим отношениям и надеялись извлечь немалые выгоды из расширения торговли с емким английским рынком.

Не было единства и в рядах шотландской буржуазии. Среди крупных торговцев Уния встречала решительную поддержку, ибо гарантировала им доступ к английской внешней и колониальной торговле. Некоторые же предприниматели, более зависимые от шотландского рынка, опасались убийственной конкуренции английских товаров после снятия таможенных ограничений. Еще более сильны были эти опасения у мелких предпринимателей и ремесленников. Из этой среды и вербовались непримиримые противники Унии.

Наиболее решительное сопротивление идея Унии встретила со стороны широких народных масс Шотландии, которые протестовали против подчинения Лондону из патриотических соображений, борясь за сохранение независимости своей страны. Однако голос народа не доходил до парламента. Хотя в 1689 г. Конвент сословий был формально переименован в парламент²⁴, на деле он и после этого оставался сословным учреждением:

²² D. Defoe. Op. cit., IV, p. 10—12.

²³ Ibid., III, p. 5.

²⁴ «A Source Book of Scottish History», p. 210.

в него входили поровну представители высшей знати, землевладельцев и бургов (городов), голосование в нем производилось по сословиям. Шотландский парламент еще в меньшей степени, чем английский отражал соотношение классов шотландского общества.

Перспектива Унии, ставшая реальной в результате работы комиссии, вызвала в Шотландии массовое движение протеста. Противники Унии, надеявшиеся, что разногласия и на сей раз взорвут соглашение, развернули активную пропаганду. По выражению Дефо, в Шотландии появилось «неимоверное количество памфлетов» с нападкамии на Унию²⁵. Их авторы выступали в защиту независимости страны. В народе распространялись слухи об опасностях, которые грозят пресвитерианской церкви. В народной памяти еще не изгладились воспоминания о жестоких преследованиях, которым королевская власть и англиканская церковь подвергли пресвитериан. В представлении народных масс автономия пресвитерианской церкви отождествлялась с независимостью страны. В Шотландии широко распространялись слухи о том, что англичане собираются похитить корону и скипетр шотландских королей. Уполномоченных, согласившихся на проект Унии, именовали изменниками родины. Кампания шла в печати, на публичных митингах, с церковного амвона. Некий Джеймс Ходжес в пространном сочинении сформулировал 32 аргумента против Унии²⁶, некоторые авторы призывали шотландцев защищать свою страну с оружием в руках²⁷. Учитывая серьезность положения и опасность волнений, правительство решило оттянуть созыв шотландского парламента, назначив его на октябрь. Поздней осенью в Шотландии, особенно в горах, дороги становились непроходимыми, связь между отдельными районами фактически прерывалась, что должно было серьезно затруднить организацию в широких масштабах движения против Унии и тем более восстания.

Как и опасались в Лондоне, по мере приближения даты открытия парламента — 3 октября — страсти все более накалялись. «Брожение усилилось, — писал Дефо, — все королевство, казалось, было объято беспорядками»²⁸. Надеясь несколько успокоить массы, парламента объявил 22 октября национальным днем поста. В этот день священники повсюду призывали прихожан отрешиться от светских страстей и в молитве прислушаться к внушению господа. Этот призыв не вызвал ожидаемого результата и в последующие дни недовольство народа вылилось в ряде мест в массовые выступления.

Раньше всего волнения охватили столицу Шотландии. Еще вечером 22 октября на улицах Эдинбурга начали собираться группы людей, с утра 23 октября толпы возросли. Негодование народа обратилось против сторонников Унии в парламенте и в особенности против тех, кто принимал участие в разработке соглашения об Унии. В их домах были разбиты стекла. Незначительные военные силы, находившиеся в городе, не смогли подавить волнения и к вечеру народ по существу овладел городом. Введя под покровом ночи дополнительные военные силы, власти запретили публичные собрания. Дефо, подробно описавший эти события, не оставляет сомнений в том, что основная масса участников выступлений состояла из «черни», т. е. трудовых и плебейских масс города. В эти дни он сам подвергался опасности — его искали и по ошибке разбили стекла в соседнем доме. Дефо высказывал предположение, что волнения в Эдинбурге явились частью обширного заговора, задуманного противниками Унии²⁹.

Волнения не ограничились одним Эдинбургом: на протяжении последних месяцев 1706 г. ходили слухи о восстаниях в ряде городов и районов

²⁵ D. Defoe. Op. cit., IV, p. 17.

²⁶ Ibid., IV, p. 15.

²⁷ Ibid., III, p. 7.

²⁸ Ibid., IV, p. 15.

²⁹ Ibid., IV, p. 27—30.

страны³⁰. Хотя не все известия подтвердились, однако в ряде мест массовые выступления действительно имели место. В г. Дамфрис огромная толпа (по одним сведениям 5 тыс. человек, по другим — 10 тыс.) собралась на рыночной площади и сожгла на костре свиток, который символически изображал договор об Унии, и список участников комиссии. После этого был объявлен поход на Эдинбург, однако собравшиеся рассеялись по домам, не дойдя до цели³¹. Серьезные волнения произошли также в других городах — Денди, Киркедбрайте³². Восстание, начавшееся в горной Шотландии, не было подавлено даже к 1709 г., когда вышла книга Дефо³³.

Самое крупное восстание произошло в Глазго, втором по величине и значению городе в Шотландии. Детальное описание событий в Глазго в книге Дефо дает основание полагать, что он был их очевидцем. Историки до сих пор не обратили достаточного внимания на те возможности, которые дает рассказ Дефо для раскрытия классового состава противников Унии.

Волнения в Глазго начались 4 ноября. Накануне этого дня представители пресвитерианской общины явились к провосту — мэру города — с требованием направить от имени города парламенту в Эдинбурге петицию протеста против Унии. Провост отказался это сделать, сказав, что наряду с противниками Унии в городе имеется немало ее сторонников. Такое заявление вызвало сильное недовольство. На следующий день в одной из церквей города священник обратился к прихожанам с проповедью священного писания: «Вставайте и смело идите во град божий». Возможно, священник имел в виду будущее соединенное королевство, однако прихожане поняли его по своему: по выходе из церкви на улицах стали возникать стихийные скопления народа, митинги и демонстрации³⁴.

5 ноября в ратушу явилось много людей, представлявших городские цехи Глазго. По словам Дефо, делегация состояла из «низшего сорта народа — сапожников, кузнецов, мясников, ткачей и т. п.» Делегаты снова потребовали, чтобы провост направил петицию протеста, получили новый отказ. Узнав об этом, народ пришел в большое возбуждение: в окна ратуши полетели камни. Затем группа людей отправилась к дому главы города, проникла внутрь и забрала хранившиеся там 25 мушкетов и другое оружие. Провост поспешно покинул город³⁵.

Волнения в Глазго продолжались на протяжении всего ноября и первой половины декабря. Они приняли организованный характер после того, как во главе движения встал бывший солдат Финлей, вернувшийся из Фландрии. Поводом для усиления волнений явилась попытка властей в середине ноября арестовать одного из участников нападения на дом провоста. Под давлением народа арестованный был вскоре освобожден. Участники движения организовались в отряды, создали нечто вроде собственного штаба и начали вооружаться. Первое нападение на ратушу, где хранилось оружие, было отбито, однако через несколько дней оно повторилось, участники движения проникли в ратушу, разоружили гвардию и завладели оружием. Несколько десятков мушкетов было конфисковано также в домах сторонников Унии.

Восстание в Глазго было подавлено только в середине декабря, когда из Эдинбурга прибыл значительный отряд драгун и конных гренадеров. Солдаты появились в городе внезапно и первым делом арестовали Финлея. Застигнутые врасплох и лишенные руководства восставшие рассеялись. Попытка освободить Финлея не имела успеха³⁶.

³⁰ D. Defoe. Op. cit., IV, p. 57.

³¹ Ibid., IV, p. 41.

³² Ibid., IV, p. 98, 99—100.

³³ Ibid., IV, p. 16.

³⁴ Ibid., IV, p. 59.

³⁵ Ibid., IV, p. 60—61.

³⁶ Ibid., IV, p. 59—67.

В ходе борьбы вокруг Унии в Глазго отчетливо определились позиции отдельных классов. Дефо подчеркивал, что наиболее громкие протесты против Унии раздавались со стороны «черни» и «низшего сорта людей»³⁷. Что касается зажиточного слоя — городской буржуазии, купцов, цеховой верхушки — то, по словам того же автора, в волнениях не участвовал «ни один известный житель города, ни один член магистрата и ни один купец»³⁸. Отношение городской буржуазии к Унии особенно ярко проявилось в политике магистрата, который после бегства провоста решил, что он не поддержит петицию протеста против Унии. А если последняя все же будет составлена, отцы города заявили, что они не примут в ней никакого участия и она будет представлять мнение одной «черни»³⁹. Эта расстановка классовых сил по вопросу об Унии, сложившаяся в Глазго, была, по-видимому, типичной для всех городов, о чем свидетельствовало заседание Конвента шотландских городов, наделенных самоуправлением. Хотя Конвент утвердил петицию против Унии, Дефо утверждал, что это решение якобы не отражало мнения большинства городских жителей, ибо, по его словам, огромное большинство населения крупных городов голосовало против петиции или вообще отказалось голосовать⁴⁰.

В первых числах ноября шотландский парламент в Эдинбурге приступил к обсуждению проекта Унии. По первому и главному пункту соглашения, который гласил, что Англия и Шотландия «навсегда объединяются в едином королевстве под наименованием Великобритании», обе стороны исчерпывающе изложили свои позиции. Торгово-промышленные круги Шотландии устами Ульяма Ситона определили свои позиции, которыми они руководствовались в этом вопросе. Обращаясь к депутатам, Ситон сказал: «Довольно убаюкивать себя словами. Шотландия стоит перед суровой действительностью. Она хочет торговать, но для этого надо обладать силой, а Шотландия ею не располагает и поэтому вынуждена идти на объединение с более сильной державой. Выбора у нее нет: с Голландией она не может объединиться, ибо Голландия торгует тем же, чем и она; союз с Францией опасен, ибо неизбежно вовлечет ее в войну с Англией. Остается один выход: Уния с Англией»⁴¹.

Противник Унии лорд Белхэвен противопоставил позиции сторонников объединения эффектную декламацию, обратившись с горячим призывом к шотландцам защищать свой суверенитет, который находится под угрозой. «Ганнибал стоит у наших ворот», — заявил оратор⁴². В торжественной декларации перед голосованием первой статьи оппозиция огласила протест против соглашения в целом, заявив, что оно «противоречит чести, интересам, основным законам и конституции этой страны, нарушает привилегии пэров королевства, права и привилегии графств и бургов, угрожает правам, собственности и свободе подданных»⁴³.

Решающее голосование состоялось 4 ноября. Перед этим правительство постаралось задобрить оппозицию уступками. Было объявлено, что голосование первой статьи не связывает участников и окончательное решение будет принято лишь после того, как все соглашение будет обсуждено и все его пункты проголосованы. Очень важную роль в судьбе Унии сыграла пресвитерианская церковь. Правительство заверило ее, что в будущем соглашении будут закреплены все права и привилегии шотландской церкви, ее полная автономия и самоуправление. Этим обещанием оно обеспечило себе поддержку со стороны руководства пресвитерианского синода. Голосование принесло победу правительству: за Унию было подано

³⁷ Ibid., IV, p. 61.

³⁸ Ibid., IV, p. 72.

³⁹ Ibid., IV, p. 61.

⁴⁰ Ibid., IV, p. 36.

⁴¹ Ibid., IV, p. 36.

⁴² Ibid., V, p. 33—34.

⁴³ Ibid., V, p. 46.

116 голосов, против нее — 83, многие воздержались⁴⁴. Хотя уступки правительства несомненно оказали известное влияние на исход голосования, однако сами по себе они вряд ли могли иметь решающее значение. В соотношении сил, боровшихся из-за Унии, произошел поворот. Чем он объясняется? Противники Унии обвиняли правительство в нажиме и подкупе. И то и другое не может вызвать сомнения. Во всяком случае известно, что еще в октябре 1706 г., за две недели до начала обсуждения Унии, в Эдинбург из лондонского казначейства было доставлено 20 тыс. фунтов. Для кого предназначались эти деньги, по тем временам очень значительные? В отличие от обычных переводов, деньги были адресованы не казначейству, а лично отдельным членам казначейской коллегии. Разоблачение этого факта позднее вызвало громкий скандал. Под давлением общественного мнения правительство в 1711 г. назначило для расследования особую комиссию, которая приняла двусмысленное решение: она заявила, что деньги были направлены на погашение долгов английского правительства в Шотландии, но не уточнила, что это были за долги. Между тем в числе получателей значились имена некоторых противников Унии⁴⁵. Позднее главный казначей Шотландии граф Глазго признал, что по распоряжению из Лондона он выдал некоторые суммы частным лицам «в вознаграждение» за поддержку правительства⁴⁶. Взятки давались не только деньгами; некоторые деятели оппозиции получили их в форме титулов и пожалований от имени королевы⁴⁷.

В начале января 1707 г. обсуждение отдельных пунктов Унии подходило к концу. На голосование был поставлен важный пункт — о представительстве Англии и Шотландии в будущем общем парламенте. Здесь произошел инцидент, вызвавший много толков. Оппозиция, во главе которой по-прежнему стоял герцог Гамильтон, решила сорвать голосование этого пункта, а с ним и всего договора. Было решено, что перед голосованием все противники Унии единогласно покинут зал заседаний.

Решающий день наступил 8 января, и депутаты оппозиции ожидали только знака Гамильтона, чтобы подняться и направиться к выходу. Однако герцог Гамильтон продолжал сидеть на месте, утомленно приложив к виску носовой платок. Демонстрация была сорвана, и статья договора о представительстве утверждена. Противники обвиняли Гамильтона в измене. Спустя пять лет эти обвинения получили известное подтверждение, когда Гамильтон был награжден английским титулом герцога Брандона.

В середине января правительству удалось благополучно довести дело до конца. Голосование всего договора в целом, состоявшееся 15 января, принесло окончательную победу: за договор было подано 110 голосов, против — всего 69⁴⁸. Уния была утверждена. Получив сведения о решении Шотландии вступить в Унию, английский парламент со своей стороны 4 марта также принял договор, а через два дня королева утвердила его, коснувшись бумаги жезлом и заявив при этом: «От моих подданных обеих наций я желаю и ожидаю отныне, чтобы они обращались друг с другом со всем уважением и любезностью, чтобы всему миру стало ясно, что в своих сердцах они намерены стать одним народом»⁴⁹.

Договор вошел в силу 1 мая 1707 г. и стал законом. Флаг нового государства на синем фоне изображал два креста — покровителя Англии св. Георгия (вертикальный крест) и покровителя Шотландии св. Андрея (крест в виде буквы X). Этот флаг, получивший название «Юнион Джек», до сих пор является государственным флагом Великобритании.

⁴⁴ D. Defoe. Op. cit. Appendix, pt. II, p. 58—60.

⁴⁵ C. H. D a n d. Op. cit., p. 177—178.

⁴⁶ W. F e r g u s o n. Scotland 1689 to the Present. Edinburg, 1968, p. 49.

⁴⁷ Ibid., p. 49.

⁴⁸ C. H. D a n d. Op. cit., p. 166.

⁴⁹ Ibid., p. 167.

На каких условиях совершилось объединение? Договор об Унии, состоявший из 25 статей, устанавливал в обеих частях страны единую налоговую и экономическую систему, представляя гражданам обеих наций одинаковые права. Он удовлетворял главные требования шотландской буржуазии, закрепив за ней все права и привилегии, которыми пользовались англичане, в том числе торговцы, уравнивал тарифы на ввоз и вывоз, давал свободно торговать с границей и с колониями. В обеих частях страны вводились единые меры весов и счета, единая монета.

Уния явилась компромиссом и опиралась на взаимные уступки. Главной жертвой со стороны Шотландии стал ее парламент: он подлежал ликвидации. В процессе переговоров много споров вызвал вопрос о шотландском представительстве в общем парламенте. Как установить справедливое распределение мест? Если исходить из численности населения, то Англия должна была посылать в парламент в 5—6 раз больше депутатов, чем Шотландия. Но если сопоставить их национальный доход, то Англии следовало дать превосходство в 35 раз. Обе стороны пошли на уступки; было решено, что Англия будет посылать в палату депутатов 513 депутатов, а Шотландия — 45; в палате лордов первую представляли 190, а вторую — 16 человек.

Компромиссом был закончен долгий и трудный спор о налогах. Последние в Шотландии были значительно ниже, чем в Англии, в частности на соль и хмель. В Шотландии также не было налога на окна. В результате соглашения этот налог не был введен в Шотландии, налог на соль вводился только через семь лет, а на хмель — лишь после окончания войны.

Путем компромисса был решен и вопрос о национальном долге, который в Англии в 1707 г. составлял огромную сумму в 14 млн. фунтов, в то время как в Шотландии он не превышал 200 тыс. фунтов. Статья 15 договора об Унии устанавливала, что в виде компенсации за бремя, которое шотландцам теперь придется нести наравне с англичанами, в пользу Шотландии создавался компенсационный фонд — так называемый «эквивалент» в сумме 398 тыс. фунтов⁵⁰. Точно так же в виде компенсации за потери Дарьенской компании Англия ассигновала 243 тыс. фунтов для распределения между пострадавшими акционерами⁵¹.

* * *

Так завершился важный этап в истории Англии и Шотландии, приведший к появлению на карте Европы нового государства.

Английская историография превозносит англо-шотландскую Унию, усматривая в ней акт разумной государственной политики, естественный долг совместной истории двух народов и их взаимной склонности. Она утверждает, что Уния явилась результатом добровольного соглашения, что в нем не играли роль ни насилие, ни принуждение. В действительности все обстояло далеко не так: Уния была принята вопреки ясно выраженной воле огромной массы шотландского народа, который решительно и недвусмысленно протестовал против этого шага. Шотландский парламент не выражал интересов и воли шотландского народа. Однако даже в столь узком и подкупленном собрании Уния прошла только после многочисленных ухищрений и маневров, нажима и подкупа. Решение парламента нельзя считать выражением доброй воли шотландского народа.

Какие же силы в Шотландии стояли за Унию и обеспечили ее проведение? Наиболее решительным сторонником Унии была крупная торгово-промышленная буржуазия, которая надеялась извлечь и действительно извлекла из Унии наибольшие выгоды: надежда на выгоды оказалась силь-

⁵⁰ D. D e f o e. Op. cit., V, p. 261.

⁵¹ Ibid., Appendix. pt. II, p. 51.

нее ее патриотизма. Крупные феодалы долго колебались между желанием сохранить свою власть и привилегии и перспективой влиться в ряды английской аристократии: и здесь соображения материальной выгоды оказались решающими, они победили колебания и оказались сильнее патриотических чувств. В решительный момент феодальная верхушка пошла на сделку с английскими правящими кругами, перебежала в лагерь врага и, дезорганизовав оппозицию, позволила правительству одержать победу.

Единственной силой в Шотландии, которая от начала до конца выступала против Унии, боролась против нее, был шотландский народ — городской плебс и многочисленное крестьянство. Им не удалось отстоять независимость Шотландии — помешала разрозненность их рядов, отсутствие организации и единого руководства. Уния была заключена за их спиной. Борьба из-за Унии и ее исход убедительно продемонстрировали, что именно трудовой народ являлся единственным решительным и последовательным защитником суверенитета и независимости своей страны.